

— Наш "географический ребёнок" Митя в возрасте 5 лет 10 месяцев выдавал такие шуточки (записано 28 мая 1981 г.). Ему Сашуля говорит: "Чай остыл уже, пей его не из ложечки, а через край". "Через Красноярский?" - спросил Митя.

— И ещё: Сашуля искала соринку у него под веком, а он ей советовал: "Ищи на северо-западе глаза".

В первых числах июня - очередная командировка, на этот раз в Якутск, где СибИЗМИР совместно с ИКФиА проводил Всесоюзное совещание "Крупномасштабная структура высокоширотной ионосферы". Восточная граница моих поездок отодвинулась ещё на два часовых пояса, до этого восточнее Байкала я не бывал.

ИКФиА - Институт Космической Физики и Астрономии Сибирского отделения Академии Наук СССР, созданный на базе станции космических лучей и по сю (ту) пору возглавляемый профессором Шафером - типичным сибирским научным организатором, о котором я давно слышал (именно как об организаторе, а не как об ученом), прежде всего от Осипова, но ни разу с ним не встречался. К Шаферу, между прочим, ушел из "Вымпела" Томашук, который, по слухам, тут окончательно и спился.

В Домодедово Аэрофлот отмочил со мной свой очередной номер. Прибыв туда загодя, я, чтобы не толпиться в очереди, не спешил на регистрацию, слонялся по аэровокзалу, а когда осталось человек десять, подошёл к стойке. И меня не взяли, как, кстати, и Горохова из ПГИ, сколько мы с ним своими билетами не размахивали. Безо всяких объяснений. Кончились, мол, места. Отойдите в сторонку. Пошли мы с Гороховым в бар и улетели часа через три в полупустом самолете.

В зале заседаний. В первом ряду - Юра Кореньков, Марат Дёминов и я. Якутск, июнь 1981 г.

Я на сцене и в зале заседаний. Якутск, июнь 1981 г.

В зале заседаний. Борис Николаевич Гершман, Фельдштейн-младший, Марат Дёминов, Наталья Павловна Бенькова и другие. Якутск, июнь 1981 г.

Якутск оказался самым захудалым из всех виденных мною до сих пор сибирских городов. Как и Норильск, он стоит на вечной мерзлоте, но справиться с нею здесь удалось в гораздо меньшей степени. Каменных домов немного - одна улица в центре, да по сторонам от неё кое-где, а так всё деревянные дома. Мостовые поразворочены, фонарные столбы выпирают из земли вместе с бетонными или деревянными чушками оснований, заборы перекошены; такое впечатление, что ворота все лезут вверх и тянут за собой заборы, которые одним краем соединяются с воротами, другим - с домом.

Это всё шутки вечной мерзлоты, как нам потом рассказали в Институте мерзлотоведения. В результате периодического оттаивания лишь верхнего слоя почвы и, соответственно, колебаний объёма, занимаемого этим слоем, столбы и ворота как бы выдавливаются постепенно из земли, выдирая за собой проложенные в земле кабели и прибитые к воротам заборы, так что электрические провода уличного освещения приходится подвешивать по старинке к верхушкам столбов ("воздушка").

Зелень чахлая, на улицах пыль, а ведь это лишь начало лета, скорее даже конец весны ещё только. Потом будет зной, а зимой жуткие морозы под пятьдесят градусов, переносимые только из-за сухости воздуха и безветрия.

С питанием как и везде в Сибири (исключая Норильск, пожалуй) плохо, по карточкам куры, масло, варёная колбаса. Но в ресторанах и в гостиничном буфете имеется местный деликатес - копчёная конина и жеребятина, очень любимые якутами. В первый раз я не сразу и догадался, что это конина, подумал, что шейная вырезка. Короче, мне понравилось.

В первый же вечер Шафер организовал катание избранных гостей, в число которых почему-то попал и я, по Лене на институтском катере "Профессор", похожем на "морской охотник" времён Отечественной войны. Лена в окрестностях Якутска широка, но разделена на рукава островами с невыразительными плоскими берегами, поросшими чем-то вроде ивняка или тальника, так что фактически только эти рукава и видишь. Пробовали высадиться на берег, но быстро сбежали обратно на катер от комаров. Гвоздём вечера оказались водка с омулем, выставленные Шафером в "кают-компания", если так можно

назвать то место на катере, где мы эту водку распивали. Тут же я узнал, что планируется и более широкомасштабное мероприятие: всех участников совещания повезут на теплоходе к Ленским столбам с банкетом и ночёвкой на острове.

С Эдиком Казимировским и Лихачёвым-младшим на борту "Профессора". Якутск, июнь 1981 г.

— И действительно, после трёх дней заседаний, проходивших в здании ИКФиА с бесплатными кофе и бутербродами с икрой в перерывах, участников совещания погрузили на специально зафрахтованный теплоход, который отплыл вечером из Якутска и направился вверх по Лене. А наутро взорам проснувшихся путешественников предстала совсем другая чем близ Якутска картина Лены и её берегов. Один берег, правда, оставался по-прежнему унылым. Зато другой, к которому мы приближались, представлял собой зубчатую стену из высоких отвесных скал, вплотную подступивших к воде и красиво озарённых утренним солнцем. Это и есть знаменитые Ленские столбы.

Ленские столбы. Июнь 1981 г.

— Теплоход притыкается бортом прямо к берегу безо всякого причала - глубина достаточная - и матросы швартуют его за кусты и деревья. Поодаль стоят ещё два таких же туристских теплохода - место пользуется популярностью. Прибывшая отдохнуть на лоне природы публика разбивается на две части: одна лезет наверх, на верхушки столбов, частично, впрочем, оседая с бутылками на полдороге, другая остаётся на теплоходе ловить с борта рыбу.

— Ловят ельца размером с некрупную салаку на примитивную снасть: леса, грузило и два-три поводка с крючками, наживляемыми червем или хлебом. Лесу держат в руке и поклёвки контролируют пальцем - так мальчишки ловят бычков в Севастополе. Клёёт неплохо, с разных глубин, вытаскивают и по паре штук сразу.

— Я поглазель на рыбалку, но самому развлекаться таким образом не захотелось и вслед за большинством я полез на Столбы. Лезть было трудно, главным образом из-за того, что из-под ног лезших впереди сыпались камни. Не все добрались до вершин. Казимировский осел вообще у подножья, заявив, что ему и там хорошо. Мирмович, потешавший меня своими репликами, преодолел свыше половины пути, но большинство цели достигло. И, надо сказать, она стоила того. Вид с макушек Столбов открывался потрясающий. Если глянуть вниз в сторону реки, то дух захватывает. И Лену видно во всю её ширь с островами и протоками. Красота!

— Спустившись со Столбов, мы погрузились на теплоход и отправились на один из близлежащих островов, где планировался товарищеский ужин. Как и у Столбов, теплоход приткнулся прямо к берегу. Здесь на острове уже неделю бригада шаферовских добровольцев трудилась по подготовке к товарищескому ужину: сооружала столы, скамьи, оборудовала футбольную и волейбольную площадки (к банкету!) и ловила рыбу на уху.

— Рыбы им удалось наловить только ельцов на удочки (с ведро), да одного налима на донку. Ставили и сети, но ничего не поймали. Вот тебе и сибирская река с осетрами, стерлядью, омулем и тайменями. На рыбалку из Якутска за сотни, а то и за тысячи верст ездят. А ельцов я половил на удочку, с обрыва, раздевшись до пояса и загорая на солнышке. Штук шесть поймал, пока народ знакомился с островом и готовился к банкету.

— Потом играл в футбол в одной команде с Ледомской и Людой Макаровой, стоял на воротах и героически бросался в ноги нападающих.

— Наконец, позвали к столам, которые стояли тут же вдоль футбольного поля. В уху к ельцам и налиму добавили привезённой с собой благородной рыбы, и уха получилась отменная, особенно с учётом нагулянного аппетита и водочного изобилия. Темп взяли сразу высокий, и многоопытный Шафер выгонял пару раз всех из-за стола на десятиминутные футбольно-волейбольные разминки для просвежения голов. В футбол играли, двадцать на двадцать, а в волейбол - десять на десять.

— Когда стемнело, запалили костер, орали песни. Народ гулял до восьми утра, а я утомился сравнительно рано. Боря Некрасов помог мне добраться до каюты, я рухнул на койку и моментально уснул.

— Разбудил меня хриплый голос из матюгальника, повешенного в каждой каюте: - Пассажиры первой, второй и третьей смен приглашаются к завтраку!

— Я умылся и поднялся в ресторан. Со всех смен там еле три человека набралось, остальные не были в состоянии подняться. Теплоход шёл к Якутску. Заботливые хозяева подобрали все тела, на острове никого не забыли. Не обошлось, правда, без травм: у Мирмовича руки в волдырях, вытаскивал из костра рухнувшего туда учёного, я ногу растянул во время футбола, стгоряча не почувствовал, а теперь с трудом ступал на неё.

В Якутске узнал новость: иркутяне во главе с Климовым собираются посылать отрицательный отзыв на докторскую диссертацию Власова. Я спросил у Коли: - В чём дело?

Он в свою очередь задал вопрос мне: - А ты его автореферат читал?

- Нет. Мне он почему-то не прислал.

- Ну, так почитай. У него такие формулировки - упадёшь. Заложил якобы основы прогнозирования ионосферы с помощью физических моделей. А ты знаешь хоть одну модель, разработанную им самим? Примазался к результатам Колесника и выдаёт их за свои. А если его в доктора пропустить, так уж он потом никому проходу не даст.

Я, конечно, знал Мишины замашки, но полагал, что дальше выпяченной груди, напыщенного вида и поучительных интонаций его апломб не заходит и, в общем, безвреден. Многие, однако, считали не так, в том числе и Серёжа Авакян, и Жора Хазанов. Толя Колесник, правда, отмалчивался, хотя его-то Власов и обобрал больше всего в своей

диссертации. Но Колесник зависел от Власова и как от заказчика, и не хотел портить с ним отношения, имея в виду свою будущую защиту. Я спросил у Данилова, непосредственного шефа Власова, его соавтора по монографии, как он расценивает Мишины шансы на защиту. Лёша ответил:

— Фифти-фифти, то есть низко. Мы ему не советуем сейчас защищаться, конъюнктура неблагоприятная, общественность настроена против. Следовало бы на некоторое время затихнуть и переделать диссертацию. Но он и слушать не хочет об этом, прёт напролом, и боюсь, что нарвётся.

— Для меня это явилось неожиданностью. Ещё полтора года назад, в Звенигороде Данилов целиком и полностью поддерживал Власова и его нападки на Андрея Михайлова. Теперь, похоже, у них с Мишей единства уже не было.

— В Якутске я побывал с экскурсиями в Геологическом музее и в Институте мерзлотоведения, где показывали эффектные слайды, демонстрирующие разрушительное воздействие на почву в зоне вечной мерзлоты даже одного проезда гусеничного вездехода, а также извлечённые из вечной мерзлоты куски туши мамонтов и доисторических носорогов. Узнал о бесперспективности края с точки зрения столь многообещающей прежде добычи алмазов, золота и цветных металлов.

— Перед отъездом гостей Шафер снабдил всех копчёной рыбой - сигом и горбушей, я угостил ею в Москве Бирюковых.

— Из Якутска ведь родом Мишка Давыдов, лохматый очкарик-теоретик, сосед мой по комнате в Первой общежитии. И ещё один знакомый тут жил, тоже Давыдов, Володя, занимавшийся геомагнитными пульсациями. Он навещал меня иногда в Калининграде, куда приезжал летом к родственникам. Года три или четыре назад он защитил докторскую и вдруг умер вскоре. Мишка же Давыдов окопался в секретном Арзамасе-16 (вместе со Славкой Борисовым) и ни слуху, ни духу от них не было.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)